

Н.Н. Головин, П.Н. Краснов

Душа армии

Очерки по военной психологии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Головин**
Душа армии: Очерки по военной психологии / Н.Н. Головин, П.Н. Краснов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-518-02386-4

ISBN 978-5-518-02386-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя генерала Краснова извѣстно многимъ участникамъ войны. П. Н. Красновъ, какъ писатель, хорошо извѣстенъ многочисленному кругу читателей. Поэтому его имя говоритъ само за себя и всякій его трудъ въ предисловіи другихъ лицъ не нуждается.

Но я чувствую себя обязаннымъ исполнить желаніе П. Н. Краснова. Я его должникъ, ибо когда я обратился къ нему съ просьбой прочесть на учрежденныхъ мною Военно-Научныхъ Курсахъ нѣсколько лекцій по военной психологіи, генераль Красновъ отвѣтилъ мнѣ горячей готовностью внести свою лепту въ трудное дѣло возсозданія Русской Военной Науки.

Я обратился съ такой просьбой къ генералу Краснову, потому что я зналъ, что онъ, будучи Атаманомъ Войска Донского въ 1918 году, не только ввелъ въ программу преподаванія Новочеркаскаго Военнаго Училища курсъ Военной Психологіи, но и самъ пріѣзжалъ въ Училище читать этотъ курсъ.

Безспорно, что это нововведеніе, сдѣланное Атаманомъ Красновымъ, представляетъ собою фактъ громаднѣйшаго значенія въ исторіи Русской Военной Школы. Мнѣ хотѣлось поэтому связать чтеніе лекцій по Военной Психологіи на Военно-Научныхъ Курсахъ съ этимъ первымъ шагомъ и съ именемъ того, кому принадлежитъ честь этого шага.

То, что до сихъ поръ Военная Психологія почти нигдѣ не преподавалась, объясняется сложностью самого предмета изученія и трудностью его изслѣдованія. Тѣмъ больше заслуга тѣхъ, кто первыми проникають въ эту не освѣщенную наукой область. Этихъ первыхъ изслѣдователей можно уподобить лю-

дямъ, дерзнувшимъ войти въ неизвѣданную обширнѣйшую пещеру, несмотря на то, что въ ихъ рукахъ не могло быть тѣхъ могучихъ средствъ освѣщенія, созданныхъ трудами многочисленныхъ предшественниковъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ другихъ наукахъ.

Они оказываются въ положеніи изслѣдователя пещеры, вооруженнаго лишь коробкой спичекъ. Естественно, что многіе предметы ускользаютъ отъ ихъ вниманія и у замѣченныхъ ими предметовъ они успѣваютъ рассмотреть только одну сторону. Вслѣдствіе этого, какъ бы талантливы ни были эти первые изслѣдователи, ихъ работы всегда будутъ носить характеръ односторонности и печать субъективности. Для того, чтобы создалось объективное и всестороннее изслѣдованіе, нужно, чтобы много лицъ повторило попытки первыхъ изслѣдователей. Но это вопросъ будущаго; это счастливый удѣлъ слѣдующихъ поколѣній.

Съ особою любовью обрисовываетъ генераль Красновъ красивыя и сильныя стороны нашей Старой Арміи. Знать ихъ, прочувствовать ихъ особенно полезно для поколѣній, вошедшихъ въ сознательную жизнь въ революціонную эпоху. Революція съ озлобленіемъ на старое слишкомъ рѣшительно отбрасываетъ его. А злоба плохой совѣтникъ. Будущая Россійская Армія несомнѣнно должна использовать все хорошее и свѣтлое изъ нашего Великаго Прошлаго. Она не можетъ отказаться отъ того духовнаго капитала, который завѣщанъ намъ Петромъ Великимъ и Суворовымъ. Только при соблюденіи этого условія она достигнетъ уровня дѣйствительно мощной боевой силы. Душа Арміи выковывается на протяженіи вѣковъ.

Вожди Французской Арміи, приведшіе къ побѣдѣ свой народъ въ только что мнувшей величайшей войнѣ въ Исторіи, настояли на томъ, чтобы на знаменахъ французскихъ полковъ красовались имена побѣдъ не только Республиканской и Наполеоновской армій, но и арміи Королевско-Бурбонской.

Чтеніе труда генерала П. Н. Краснова вызываетъ бодрую вѣру въ будущее Россіи. Поэтому я не сомнѣваюсь въ томъ, что, закрывая эту книгу, читатель испытаетъ чувство глубокой благодарности къ автору.

Будемъ надѣяться, что примѣръ генерала П. Н. Краснова вызоветъ рядъ повторныхъ попытокъ изслѣдованія духовной стороны войны. Неподнятыя еще поля въ этой области громадны.

По поводу тѣхъ проблемъ, которыя ожидаютъ отвѣтовъ со стороны послѣдующихъ изслѣдователей, мнѣ и хотѣлось бы поговорить въ этомъ предисловіи.

Но передъ этимъ я хочу сказать нѣсколько словъ о рамкахъ Военной Психологін, какъ науки.

Изученіе духовной стороны войны можно вести въ двухъ направленіяхъ:

Во - первыхъ можно изслѣдовать измѣненія въ дѣятельности и въ свойствахъ человѣка, которыя происходятъ въ немъ подъ вліяніемъ обстановки войны.

Во - вторыхъ можно изучать самыя явленія войны, взявъ каждое изъ этихъ явленій, какъ нѣчто органически цѣлое; напримѣръ, изслѣдованіе того внутренняго процесса, который происходитъ въ бою въ каждой изъ дерущихся сторонъ.

Первый родъ изслѣдованій можно назвать индивидуальной военной психологіей, второй — коллективной военной психологіей.

Но подобное раздѣленіе должно почитаться условнымъ и лишь временно-принятымъ для удобства научнаго изслѣдованія. Дѣйствія бойцовъ слишкомъ тѣсно между собою психически связаны и слишкомъ властно другъ друга обуславливаютъ, чтобы можно было сдѣлать въ области индивидуальной военной психологін сколько-нибудь обобщающіе выводы, не считаясь съ законами коллективной военной психологін.

Поэтому индивидуальная военная психологія должна разсматриваться лишь, какъ вспомогательный отдѣлъ военной психологін, которая въ основной своей части не можетъ быть иной, какъ психологіей коллективной.

Только что указанная опасность односторонности, которая грозитъ индивидуальной психологін въ томъ случаѣ, когда она попытается приписать своимъ выводамъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ они этого заслуживаютъ, грозитъ также и всей военной психологін. Послѣдняя изслѣдуетъ, какъ мы выше говорили, духовную сторону явленій войны. Но эти явленія прете-

каютъ не только въ духовной, но и въ матеріальной обстановкѣ. При этомъ связь между духовной и матеріальной стороной каждаго явленія войны настолько тѣсна, что онѣ неразъединимы. Напримѣръ: наличіе лучшаго вооруженія повышаетъ духъ арміи, обладающей имъ, и понижаетъ духъ противоположной стороны; не меньшій моральный эффектъ производитъ и осознанное численное превосходство.

Часто приходится встрѣчать среди писателей, желающихъ выдѣлить первостепенное значеніе духовнаго элемента на войнѣ, упущеніе этой тѣсной, неразъединимой, связи между духовной и матеріальной сторонами явленій войны. Не избѣгъ подобной ошибки даже такой крупный умъ, какъ М. И. Драгомировъ. Для доказательства главенствующаго значенія духовнаго элемента въ арміи онѣ противопоставлялъ духовный элементъ матеріальному: храбраго съ менѣе совершеннымъ оружіемъ — трусу съ лучшимъ оружіемъ. Логическая ошибка такого противопоставленія заключалась въ томъ, что наличіе отличнаго вооруженія вовсе не обязательно должно совпадать съ трусостью. Наоборотъ, какъ мы только что говорили выше, наличіе лучшаго вооруженія не только ведетъ къ повышенію духа своихъ войскъ, но и къ пониженію такового у непріятели. Результатомъ подобнаго ошибочнаго разсужденія явился слѣдующій парадоксъ: мы, которые гораздо больше говорили до 1914 года о главенствующемъ значеніи духовнаго элемента въ войскахъ, чѣмъ нѣмцы, выступили на войну съ артиллерійскимъ вооруженіемъ въ два раза болѣе слабымъ, чѣмъ германское, и этимъ самымъ понизили духъ нашихъ войскъ и придали полную увѣренность въ своей силѣ нѣмцамъ при дѣйствіяхъ противъ насъ.

Вотъ почему, хотя военная психологія и изслѣдуетъ важнѣйшую сторону явленій войны, ея общіе выводы не могутъ почитаться окончательными. Таковые могутъ быть сдѣланы лишь тогда, когда духовная сторона явленій войны будетъ вновь воссоединена съ матеріальной стороной. Если принять выводы, сдѣланные военной психологіей за тезисъ, а выводы, полученные изъ изученія матеріальной стороны явленій войны, за антитезисъ, то окончательный выводъ можетъ быть только синтезомъ (обобщеніемъ), а не противопоставленіемъ.

Отсюда слѣдуетъ, что военная психологія является въ свою очередь лишь вспомогательной наукой для стратегіи и тактики,

въ особенности же по отношенію къ первой, которая является высшей синтетической (обобщающей) военной наукой.

Генераль П. Н. Красновъ начинаетъ свой трудъ разсмотрѣніемъ вопросовъ индивидуальной военной психологіи. Онъ указываетъ на существенныя психическія различія въ дѣятельности рядовыхъ бойцовъ, ихъ строевыхъ командировъ и руководящихъ крупными войсковыми соединеніями высшихъ начальниковъ.

Психологія бойца — это изученіе дѣятельности человѣка подъ угрозой опасности. Поэтому генераль Красновъ и выдѣляетъ на главенствующее мѣсто среди факторовъ, обуславливающихъ эту дѣятельность, чувство страха. Въ этомъ отношеніи онъ идетъ по пути, пробитому классическимъ трудомъ маіора Арданъ-дю-Пика, написанномъ еще въ 1867 году*). Но, кромѣ этого основного элемента въ психологіи бойца, слѣдуетъ, мнѣ кажется, упомянуть еще объ одномъ факторѣ, являющемся, конечно, второстепеннымъ по сравненію съ чувствомъ страха, но все же имѣющимъ немаловажное значеніе въ работѣ рядового бойца. Я говорю про усталость. Какъ бы ни шло впередъ усовершенствованіе матеріальной части, все равно требованія, которыя будутъ предъявляться рядовымъ бойцамъ на войнѣ, превзойдутъ значительно тѣ требованія, которыя предъявляются даже при тяжелой работѣ въ условіяхъ мирнаго времени. А между тѣмъ, на что слѣдуетъ обратить особое вниманіе, физиологическое воздѣйствіе усталости на психику человѣка аналогично дѣйствію страха: она притупляетъ разсудочность и волю. Этотъ вопросъ очень хорошо разсмотрѣнъ только въ одной работѣ, а именно въ книгѣ моего большого друга генерала Де-Модюи «Тактика пѣхоты», написанной имъ въ 1910 году**).

Для того, чтобы обрисовать, насколько сложнѣе психическія условія дѣятельности строевыхъ командировъ по сравненію съ рядовыми бойцами, генераль Красновъ приводитъ очень красоч-

*) Ardant du Picq. „Le Combat“; въ свое время былъ изданъ русскій переводъ этой книги подъ редакціей ген. Пузыревскаго.

**) „La Tactique d'Infanterie“, Lt.-Colonel de Maud'Hui; передъ войной эта книга была издана и на русскомъ языкѣ.

ное описаніе поведенія одного изъ командировъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ въ минувшую войну.

Когда же мы поднимаемся на самые верхи военного управленія, то мы увидимъ еще большія различія. Личная опасность и физическая усталость во много разъ уменьшаются; но за то въ другихъ отношеніяхъ условія работы чрезвычайно осложняются.

Прежде всего увеличивается та моральная отвѣтственность, которая лежитъ на плечахъ начальника. И тяжесть этой отвѣтственности по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подниматься по іерархической лѣстницѣ командованія, достигаетъ такихъ размѣровъ, которые подъ силу только великимъ душамъ. Самъ величайшій изъ полководцевъ Наполеонъ, вспоминая на островѣ Св. Елены пережитое, говорилъ, что мало кто можетъ составить себѣ представленіе о той силѣ духа, которая нужна полководцу, чтобы выиграть большое сраженіе.

И творитъ свое трудное дѣло крупный начальникъ долженъ въ первой обстановкѣ тыла. «Нервность» тыла представляетъ собой очень своеобразное явленіе, замѣченное во вѣхъ арміяхъ.

Вотъ какъ описываетъ это явленіе одинъ изъ современныхъ военныхъ писателей ген. Сериньи*).

«Паденіе духа начинается сзади. Мармонъ въ своей книгѣ «О духѣ военной организаціи» указываетъ, что еще въ древнія времена было замѣчено, что бѣгство всегда зарождалось въ заднихъ шеренгахъ фаланги. Въ сраженіяхъ минувшей большой войны это явленіе повторилось, и паническое настроеніе исходило обыкновенно отъ писарей и всевозможнаго рода тыловыхъ чиновъ...»

«Во всякомъ случаѣ паденіе духа поразительно растетъ по мѣрѣ удаленія отъ поля боя. Велѣдствіемъ оптического обмана въ тылу все преувеличивается, и успѣхи, и неудачи. Не видя воочию того, что происходитъ, тылъ создаетъ себѣ представленіе объ обстановкѣ отъ раненыхъ и бѣженцевъ; душевное состояніе и тѣхъ и другихъ накладываетъ особую печать на ихъ рассказы; преувеличеніе является закономъ. Вотъ почему можно съ полнымъ правомъ утверждать, что дѣйствительное положеніе вещей на войнѣ не бываетъ ни такимъ хорошимъ, ни такимъ дурнымъ, какъ это описывается изъ первыхъ свѣдѣній».

*) Général Serrigny, „Réflexions sur l'Art de la Guerre“: стр. 43-45.

«Отсюда слѣдуетъ, что руководитель крупнаго войскового соединенія можетъ быть потрясенъ событіями ранѣе, чѣмъ его войска. Въ теченіе войны можно было это увидѣть много разъ, какъ у насъ, такъ и у нашихъ союзниковъ и у нашихъ враговъ*). Тѣмъ болѣе достойно восхищенія поведеніе Маршала Жоффа 24 февраля 1916 года въ Шантильи при встрѣчѣ съ генераломъ Петеномъ, избраннымъ для командованія арміей въ Верденѣ. Въ то время, какъ въ Ставкѣ царила полная растерянность, Жоффъ сохранялъ удивительное спокойствіе. Потирая со своей доброй улыбкой руки, онъ сказалъ: «Итакъ, Петенъ, какъ вы знаете, дѣло всеѣмъ не плохо» **).

«Подобное спокойствіе, такая увѣренность начальника въ трагическія минуты — это все. Если его духъ подавленъ и онъ это покажетъ, если онъ только проявитъ свое волненіе хотя бы въ нѣсколькихъ указаніяхъ, его сомнѣнія распространятся съ чрезвычайной быстротой; они удесятерятся въ силѣ въ каждой инстанціи командованія; приказанія становятся все болѣе и болѣе нервными и внизу іерархической лѣстницы возникаетъ беспорядокъ...»

Вышеуказанныя чувства отвѣтственности и въ тоже время своеобразная «нервность», присущая тылу, объясняютъ тѣ странные, на первый взглядъ, случаи, которые приходилось наблюдать въ минувшую войну. Миѣ лично пришлось знать начальниковъ штабовъ двухъ армій, которые такъ сильно «нервничали», что ихъ работа въ критическія минуты принимала совершенно сумбурный характеръ. Нервы одного изъ нихъ дошли до такого разстройства, что онъ не могъ сдерживаться отъ слезъ. Это не помѣшало тому, что, когда оба эти генерала были назначены начальниками пѣхотныхъ дивизій, они оказались доблестными и спокойными командирами.

Вышензложенное отнюдь не должно быть понято, какъ уменьшеніе моральной красоты подвига, осуществляемаго строевыми начальниками. Вмѣстѣ съ генераломъ Красновымъ я считаю лишь нужнымъ подчеркнуть существенное различіе въ услови-

*) Такимъ яркимъ подтвержденіемъ можетъ служить команд. VIII Германск. Арміи ген. Притвиць во время сраженія у Гумбинена 8/21 августа 1914 г.
(Примѣчаніе Н. Н. Г.)

**) Не напоминаетъ ли это поведеніе кн. Багратіона подъ Шенграбенемъ, такъ художественно изображенное въ „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Толстымъ?

яхъ работы войскъ и высшихъ военныхъ начальниковъ. Это различіе въ настоящую эпоху столь велико, что создаетъ какъ бы двѣ различныя психологіи: психологію дѣйствующихъ войскъ и психологію высшихъ штабовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это различіе не учтено, оно легко можетъ привести къ взаимному непониманію низовъ и верховъ арміи, то есть къ моральному разслоенію. Одной изъ важнѣйшихъ практическихъ проблемъ военной психологіи и является разрѣшеніе вопроса, какими приемами прочно связать эти двѣ психологіи, дабы даже самые удаленныя отъ поля боя ячейки высшего управленія чувствовали бы состояніе духа войскъ, безъ чего Высшее командованіе окажется оторваннымъ отъ реальной обстановки; оно все болѣе и болѣе будетъ жить въ воображаемой обстановкѣ, будетъ отдавать неосуществимыя приказанія или же будетъ упускать благоприятныя возможности. Это поведетъ къ паденію довѣрія войскъ къ высшему начальству и можетъ вызвать даже враждебное отношеніе. Слѣдуетъ признать, что въ минувшую войну въ этой области у насъ обстояло далеко не благополучно, особенно въ концѣ войны. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только вспомнить «Июньское» наступленіе 1917 года, сыгравшее рѣшительную роль въ гибели нашей арміи.

Затрагивая вопросъ о томъ, какъ побороть въ себѣ страхъ смерти, генераль Красновъ указываетъ на то, что люди религіозные встрѣчаютъ большую моральную поддержку въ религіи. Старая пословица, говорящая, что «тотъ, кто на морѣ не бывалъ, Богу не маливался», часто перефразировывалась въ минувшую войну словами «тотъ, кто на войнѣ не бывалъ, Богу не маливался». Но, кромѣ моральной поддержки, которую даетъ религія бойцу при переживаемой имъ опасности, она играетъ еще и другую великую роль. Война, требующая отъ людей величайшаго самоотверженія и подвига, въ то же время разнуздываетъ и дурныя страсти; она пробуждаетъ въ людяхъ усыпленное культурой мирнаго времени варварство. Большевиизмъ, затопившій нашу Родину моремъ крови, могъ родиться только изъ извращеній психики войны. Несомнѣнно, что религія является задерживающимъ началомъ для роста этихъ извращеній.

Такимъ образомъ морализующая роль религіи для духа арміи осталась по прежнему большой. Но въ отдаленныя вре-

мена религія имѣла еще и другое значеніе: она фанатизировала бойца и толкала его на борьбу. Такъ проповѣдь Магомета подняла въ Аравіи племена Арабовъ, а затѣмъ повела цѣлый рядъ народовъ для «покоренія невѣрныхъ». Такъ въ отвѣтъ на это Католичество подняло Крестовые походы для освобожденія Гроба Господня. Въ XVII столѣтніи Центральная Европа опустошается въ тридцатилѣтней войнѣ, въ которой воинствующее католичество пытается удушить распространеніе протестантства. Но уже въ XVIII столѣтніи эпоха религиозныхъ войнъ кончается для Европы, и Фридрихъ II Прусскій, ведущій рядъ войнъ для созданія Великой Пруссіи, говоритъ по поводу религиозныхъ разногласій: «пусть каждый спасается на свой манеръ».

Духъ нашей Православной Церкви не является столь же воинствующимъ, какъ духъ Католичества. Это отразилось и на нашихъ войнахъ, которыя никогда не носили исключительно религиознаго характера. Еще въ XV вѣкѣ Царь Іоаннъ IV пишетъ по поводу покоренія Астрахани: «Какъ взяли мы Астрахань, то Астраханскимъ князьямъ свое жалованное слово молвили, чтобы они отъ насъ разводу и убійства не боялись. Такъ, чтобы въ другихъ земляхъ не стали говорить: вѣра вѣрѣ недругъ и для того христіанскій государь мусульманъ изводитъ. А у насъ въ книгахъ христіанскихъ писано: не влѣжно силой приводить къ нашей вѣрѣ. Богъ судить въ будущемъ вѣкѣ, кто вѣруетъ право или неправо, а людямъ того судить не дано».

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что наши многочисленныя войны съ Турками, хотя и диктовались всецѣло государственными интересами Россіи выйти къ берегу южнаго моря, въ глазахъ народныхъ массъ носили религиозный отпечатокъ. Въ этомъ можно убѣдиться, взглянувъ на купола южно-русскихъ церквей, на которыхъ часто можно увидѣть Крестъ, водруженный на полумѣсяцѣ.

Поэтому Суворовъ, проведеній большую часть своей полководческой карьеры въ борьбѣ противъ Турокъ, пользовался религіей не только какъ морализующимъ началомъ, но также и какъ стимуломъ, толкающимъ на борьбу съ «басурманами». Когда въ концѣ своей жизни ему пришлось встрѣтиться въ Италіи съ Французами, посядніе ведутъ въ это время у себя на родинѣ борьбу съ католицизмомъ, насаждая религію Разума.

Суворовъ старается и въ этомъ случаѣ использовать религіозный мотивъ, привычный для Русскихъ войскъ того времени, и указываетъ на «безбожіе» противника.

Но въ современную эпоху войны между Европейскими народами совершенно утратили религіозный характеръ. Стоитъ лишь вспомнить минувшую большую войну. Въ ней на обѣихъ сторонахъ были представители всѣхъ вѣроисповѣданій. Поэтому, несмотря на то, что на всякаго рода пропаганду были затрачены громадныя усилія, религіозные мотивы въ ней отсутствуютъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ лишь Кайзеръ Вильгельмъ, взывавшій въ своихъ истерическихъ рѣчахъ къ «Старому Германскому Богу», а также въ своемъ озлобленіи противъ Великобританіи бросившій въ нѣмецкія народныя массы лозунгъ «Боже накажи Англію». Подобныя попытки использовать религіозное чувство болѣе не встрѣчались. Крайне характернымъ въ этомъ отношеніи является то, что въ Англиканскихъ Церквахъ въ теченіи всей войны шли молитвы о скорѣйшемъ окончаніи войны, но не произносилась молитва о дарованіи побѣды.

Въ войнахъ XIX вѣка главной двигательной силой борьбы является національное начало. Одинъ только бѣглый взглядъ на исторію XIX столѣтія показываетъ, какое громадное значеніе для приведенія въ движеніе народныхъ массъ получаетъ національный принципъ. Объединеніе Германіи, Италіи, освобожденіе Балканскихъ народовъ изъ-подъ власти Турокъ являются прямыми или скрытыми мотивами войнъ. Усиленное значеніе національнаго начала продолжается и въ теченіе XX-го вѣка. Минувшая большая война, перекроившая всю карту Европы, наглядно это подтверждаетъ. Опытъ пережитой войны заставляетъ нынѣ всѣ государства строить свою внѣшнюю защиту на воспитаніи въ подрастающемъ поколѣніи чувства глубокаго патріотизма. Одно изъ характерныхъ проявленій этой тенденціи можно усмотрѣть въ культѣ «Неизвѣстнаго Воина», который созданъ во Франціи на нашихъ глазахъ. Въ основѣ этого культа лежитъ высокая идея. Условія современной войны таковы, что сотни тысячъ гражданъ ожидаетъ участь принести свою жизнь на алтарь Отечества, оставшись въ полной неизвѣстности. Французская Армія насчитываетъ въ минувшую войну 225 тысячъ такихъ героевъ. Напомнимъ, что для Русской Арміи это число достигаетъ 700 тысячъ. Создавая всена-